



Завтра, завтра я подпишу документы на ипотеку. Господи, я знала, знала, что рано или поздно у меня будет дом. Мой личный, мой собственный дом. Квартиры у нас в городе стоят столько, что я вполне серьезно обдумывала, не переехать ли в провинцию. Но здесь у меня есть работа. Точнее, две работы. Иначе я никогда не смогла бы купить жилье.

Меня зовут Грейс. Да, вот таким именем папочка поучаствовал в моей жизни. Наградив меня этой фигней, он счел свой родительский долг исполненным. Грейс Сергеевна Смирнова. Как вам такая прелесть? Давно бы поменяла, но я с пятнадцати лет каждую копейку откладывала и прятала.

В четырнадцать я была еще слишком наивна, и весь мой летний заработок маман спустила на очередного ухажера. Я не понимаю: зачем ей в доме непременно нужен мужик? Ну нет, если бы они зарабатывали хотя бы на себя, то и пусть бы жили. Но содержать разнообразных идиотов — вот точно не мое.

Мне было семнадцать, я только что получила аттестат. Так себе оценки были, честно скажу. С другой стороны, забив на учебу, я нашла подработку. Часть, конечно, приходилось отдавать маме, но я уже достаточно хорошо соображала и всю правду о зарплате не говорила. Хотя что уж там — копейки платили. Много ли заплатят уборщице, да еще без оформления?

Я, помнится, тогда даже колебалась, не сходить ли мне на выпускной. Соседка Татьяна обещала дать платье, но нужно было внести деньги на ресторан и прочее. Дома, в прихожей, меня ждали сумка и пакет с многочисленными вещами. И страшно довольный хмырь, который в то время претендовал на место «любви всей жизни» маман. И сама маман, прячущая глаза.

Мне было торжественно объявлено, что я достаточно взрослая и должна сама о себе позаботиться. Обалдела я знатно. Я вообще не представляла, куда идти и что делать. Такую вот, ревущую, с этой сумкой, меня и подобрала Татьяна. Она-то жила в своей собственной двушке, подаренной предками на окончание института. Накапала мне валерьянки. Покормила и уложила спать. С маман она здоровалась, но почему-то недолюбливала ее. А ко мне она нормально относилась.

Сквозь сон я слышала бесконечные звонки и разговоры. Утром я узнала, что все решено. Есть место в общежитии и работа уборщицы. Если честно, мне полегчало. Те три небольших магазина бытовой химии, которые я мыла прошлым летом, сменили хозяина, и я вовсе не была уверена, что новый возьмет меня. Да и находились они далеко друг от друга, на дорогу тратилось много времени. Ну или денег, но деньги я сэкономила.

Иногда, когда сильно уставала, я воображала себя Золушкой. Вот приедет прекрасный принц, и кончатся эти бесконечные светлые полы, которые мой не мой, один фиг — тут же затопчут. Но как-то вот запаздывал этот принц. А потом я поняла: принцев не бывает. Золушка сама должна прорваться. И я знала, что прорвусь.

Заначку Татьяна велела пока не трогать. Перерыла свой гардероб и выдала мне еще сумку одежды. Красивой. Нельзя сказать, что мы были подругами: разница почти двенадцать лет не способствует дружбе. Но иногда разговаривали у лифта или во дворе. Она и научила, как прятать хотя бы часть зарплаты и переводить в доллары. И всегда-всегда носить с собой. Она же мне и покупала баксы на мои деньги.

Татьяна давно переехала жить в столицу, но я до сих пор о ней с благодарностью вспоминаю. Дай ей бог здоровья!

Так вот я и попилила в новую жизнь: немного одежды, зубная щетка и четыреста пятьдесят баксов.

Почти восемь лет общаг, съемных комнат или однушек на двух-трех знакомых. И воровство, и пьяные кавалеры соседок, и пара неудавшихся романов...

Завтра я подпишу документы — и квартира моя. Можно сказать, повезло, что владельцы согласились подождать, пока оформляются бумажки. Хороший вариант. Не слишком замызганная, первое время можно не тратиться на ремонт. Но вообще-то очень хочется.

За эти годы, пока я росла от уборщицы с зарплатой в десять тысяч до кладовщика с шестьюдесятью пятью и полным доверием Аркадьпалыча, владельца складов, я приобрела себе хобби. В интернете я была подписана на кучу групп с ремонтом и дизайном.

Пожалуй, лучшее время я провела, «листая» интерьеры и стройки маленьких домиков. Дом я хотела больше квартиры, но свои силы оценивала реально. Не потяну.

Так-то я много что умею делать руками. Несколько раз устраивалась подсобницей к шабашащим после работы теткам. Научилась и штукатурить, и обои клеить. Даже кафель класть умею. Ну естественно, научилась готовить и шить-подшивать: не потаскаешь в ремонт одежду, если на последних джинсах молния полетела, а денег нет. Да все я умею, а что не умею — научусь. Нет образования, тогда хоть руки должны быть на месте.

Иногда я жалела, что не училась. Были периоды, когда выть хотелось от бессилия и голода. Такое настроение хорошо чтением забивать. И я читала, читала, читала... Благо периоды безработицы были редкими и давно.

Вторая работа иногда была, иногда нет. Сейчас я по ночам ходила убирать и мыть два подъезда в шикарной элитной новостройке. По два часа на подъезд. Хорошее, кстати, место. Платили нормально и вовремя. Так что ипотеку я погашу лет за шесть, не больше.

Вот в первом, уже намытом подъезде этого дома я и получила по голове. До сих пор любопытно, какой сволочи понадобилось убивать поломойку?

* * *

Я то ли спала, то ли нет. Ни верха, ни низа не существовало. И голоса я слышала неотчетливо. Бубнят что-то над ухом. Только в конце несколько фраз поняла.

— Так, а эту куда? Ты же видишь, она не тянет бытие.

— Ну, возвращать ее бесполезно, сожрут и растлят, сам видишь. Ее ни статус не спасет, ни магия. На перерождение, больше некуда...

* * *

— Грейс! Гре-е-ейс! Ты проснешься или нет, коровища ленивая? Не такой уж у тебя ушиб, чтобы валяться, когда зовут. Вставай, я тебе приказываю!

Интересно, это кто у нас такой безмозглый? Что-то проснуться не получается. Но за приказ могу и в табло дать. Я и правда многое умею.

Меня начали трясти. Боже, может, я на работу проспала? Глаза все же пришлось открыть. И снова закрыть. Я точно не готова это видеть.

Трясти начали сильнее.

— Вставай! Я видела, что ты не спишь!

— Убери руки, оторву к чертям. — Я даже не злилась. Мне просто нужно было несколько мгновений на осознание ситуации. Если мне не мерещилось, а скорее всего — нет, я к галлюцинациям не склонна, значит, я была в очень странном месте.

Молчание и топот. Эта, которая трясла, сбежала.

Издали слышался возмущенный вопль:

— Мама! Ма-а-ама! Она не встает!

Батюшки, сколько экспрессии-то!

Я помнила удар по голове и стремительно несущиеся мне в лицо еще влажные после мытья ступени. Но комната, где я очнулась, — точно не больница. Лет сто пятьдесят — двести тому назад такая комната могла принадлежать светской красавице. Сумасшедшей красавице.

Три французских окна в пол. С пыльными, местами драчными голубыми бархатными портьерами. Кровать, та самая, на которой я лежала, огромная, с грязным бархатным балдахинном в цвет штор. Подушка и засаленное одеяло с торчащими перьями. Канделябр на шесть свечей стоит на страшной табуретке. Такими меблировали кухни в России после войны.

Я даже видела как-то пару похожих вживую. И не свечи в канделябре, а светящиеся палочки. Поди, энергосберегающее что-то. Вон как экономят: две штуки всего. Ближе к дверям — роскошная напольная жирандоль вообще без свечей. Псише, грязное, мутное, в затейливой раме с остатками позолоты. Перед псише — очаровательный пуфик с драчным голубым атласом на сиденье. Дальше по стене — дверь. За ней — потрясающей красоты резной шкаф с кучей ящичков, часть ручек утрачена. Срочно нуждается в реставрации.

У окна — секретер с обломанной ножкой, для устойчивости вместо ножки подложены несколько толстенных книг. Похожи на старинные альбомы. Но точно не сказать: так все тщательно пылью усыпано. Элегантная козетка. Целая, для разнообразия. Очевидно, чтобы не выбивалась из общего интерьера, на нее взгромоздили кофейный столик.

Люстры нет, вместо нее — крюк, как намек, что должна бы быть. Лепнина местами обвалилась, но дивно хороша. Похожий рисунок лепнины я видела в Эрмитаже. В интернете, естественно.

Подошла к псише и рукой смахнула пыль. Страх я не испытывала. Даже не знаю почему. Так-то уже стало понятно, что я попаданка, но отражение в зеркале меня напугало.

Подросток. Лет пятнадцати-шестнадцати. Обычное лицо, немного прыщиков, темные волосы. Неопределенный какой-то цвет. Ни тебе талии сорока сантиметров, ни бюста третьего, а лучше — четвертого номера. Ни прекрасных голубых глаз.

Подросток, это значит, что в любом мире я — несамостоятельная личность. У меня есть или родители, или опекуны. Ничего хорошего в этом нет. Я давно привыкла жить сама и по своим правилам. Ну, надеюсь, хоть мир не придется спасать. Я нервно хихикнула.

Естественно, попаданские романы я читала. Точнее, слушала. У меня вообще была привычка держать наушник наготове. Полы-то точно с ними легче мыть.

Кстати, я пухленькая. Не сказать, чтобы прямо жиробасина, но сальце есть. Да и вся какая-то квелая и мягкая, как желе.

В нормальном мире я, может, и не красавица, но за собой всегда следила. По мне, так лучше никаких красок, но хороший крем и регулярный уход. Я себе лучше футболку лишнюю не куплю, но кожа и руки должны быть в порядке. Перчатки резиновые не дураки придумали. И, при всей своей общей жмотистости, на хороший маникюрный набор я разорилась. А тут ногти обгрызенные. Просто — фу! Черт, у этой девочки даже расческа в пыли. Ну как так можно-то? Немного болела голова. За ухом с левой стороны я нащупала приличных размеров шишку. Ноги мерзли на обшарпанном, когда-то роскошном паркетке.

Кстати, девица, которая сбежала к маме, как раз была блондинкой с небесными глазками. Ну и где они все?

Все не заставили себя ждать слишком долго. Роскошных форм дама лет сорока, ухоженная, со светлыми волосами, уложенными в сложную прическу, с печатью утомления и брезгливости на личике. Девица, которая трясла меня, — та самая голубоглазая красотка, и горничная. Самая настоящая горничная. Не слишком молодая. В сером платье с белым передником и в белом чепце. Таким, знаете,

с рюшечками. И лицо у горничной строгое, даже постное. И глазки — в пол.

— Грейс, мне надоели твои причуды! Сегодня я опять вынуждена оставить тебя без ужина.

Я молчала. Грейс — это хорошо, к имени привыкать не нужно. Но вот как узнать все остальное? Кто я и где я? Кто эта мадам?

— Я рада, что ты осознаешь свою вину и не пререкаешься!

Дама величественно развернулась и выплыла из комнаты. За ней следом девица. Напоследок она обернулась и показала мне язык. Горничная сделала вид, что не заметила.

Я пошла и залезла в эту отвратительную кровать — мне нужно было подумать. Время к вечеру, даже сквозь пыльные окна виден яркий закат. Есть я пока не очень хотела, так что без ужина не так и страшно. А вот решить, как себя вести, мне необходимо прямо сейчас. Мне нужна информация, любая. Почему-то мне совсем не хотелось рассказывать этой мадам о попаданстве.

* * *

Долго я не вылежала и ничего толком не надумала. Где-то часа через полтора я поняла, что мне нужен туалет. Та дверь между псише и шкафом и оказалась дверью в туалет. Свет вспыхнул, как только я открыла дверь. Удивительно. Интересно, это датчик движения или автомат в дверь встроен?

Большая комната, огромная пожелтевшая ванна, потрясающей красоты кафель — немного похоже на гжельскую роспись. Зато много отвалившихся и битых плиток. Часть боя лежит рядом с ванной. Ширма, отгородившая унитаз и биде, странная: прекрасная резная рама и дешевая грязноватая ткань.

Сделав, что хотела, я стала искать кнопку слива. Но так и не увидела. Вода слилась без моего участия. Скажите по-

жалуйста, какие тонкости... Лучше бы ремонт нормальный сделали, а не электроникой напичкивали сантехнику. Вода из крана, кстати, текла еле теплая. И есть мне уже хотелось.

Туфли у меня были уродские. Размера на два больше, чем мне нужно, и облезлые. Шлепали при ходьбе, но другой обуви я не нашла.

Вышла я в длинный коридор и только за поворотом обнаружила вполне цивилизные места. И двери по обе стороны были красивые, и свет яркий горел, и дорожка ковровая на полу теплая и красивая. А главное — вокруг чистота и порядок. Букет свежих цветов на консольном столике. Но вот идти туда мне не хотелось. Совершенно. Ну я и не пошла. Развернулась и отправилась в ту часть коридора, которая выглядела как моя комната — со старым пыльным ковром и без цветочков.

Лестница вниз, еще один коридор, где-то под моей комнатой примерно я и обнаружила кухню. Дверь с решеткой на уровне лица. Правда, мне пришлось встать на цыпочки. Огромное помещение, плиты, столы длиннющие, и так мало людей. Хоть и видно мне не всю кухню, но за столом их только трое.

Давешняя горничная с постным лицом, толстуха-кухарка в белом чепце с рюшами и розочкой и еще одна девушка, молоденькая и крепкая. Они закончили ужин и собирались пить чай. Девушка разливала чай, а толстуха как раз уносила поднос с грязной посудой. И она совершенно точно видела меня, но промолчала и даже мне подмигнула. Значит, надо ждать.

Чаепитие длилось долго, но и узнать я кое-что успела. Тетушка Маго, так к кухарке обращалась девушка, спросила у постной тетки:

— Что, малютка Грейс опять без ужина?

— Леди Синтия наказала ее за дело.

— Странно, что леди Синтия не боится. Девочка вырастет, и дом достанется ей. Так же, как и остальное.

— Ха! Не забывают про сезонные балы невест. Уж леди постарается, чтобы домой девица не вернулась.

— Так ведь они еще не проходили проверку на магию! Ни леди Люция, ни леди Грейс.

— А вы думаете, зря леди Синтия приглашала магистра Трипло? Он принес камень из академии. Ну вы же понимаете, не для всех камень принесут, но отказать леди Синтии он, конечно, не смог. Магистр проверил обеих леди. Ваша Грейс, которую вы совершенно напрасно прикармливаете, обычная бытовичка! Кому она нужна? Только ловкость и связи леди Синтии помогут пристроить замуж это ничтожество. А вот маленькая леди Люция — огневик. Вот кого ждет блестящее будущее! Да она бы нашла себе прекрасного мужа даже совсем без магии. Она такая красавица! Что тут спорить? Я вас, лера Маго, просто не понимаю!

— Я, лера Зукс, с вами и не спорю. Мне просто девочку жалко.

— А я бы не стала ее жалеть. Только и делает, что вечно ноет и скулит. От нее никакого толку. Хуже нет, когда леди Синтия ее наказывает уборкой — у меня потом от ее жалоб в ушах полдня звенит и голова болит!

— Так ведь она леди, не должна она столько убирать.

— Леди не ноют!

Тетушка Маго вздохнула и скомандовала:

— Лина, подлей лере Зукс чайку горяченького.

Я не ушла от дверей только потому, что не была уверена в своих силах. Мне казалось, что я просто не дойду до комнаты — так у меня затряслись колени. Я не идиотка. Я понимаю, что они о магии говорят. Но я не понимаю саму магию. Я в нее не верю, я слишком логична, чтобы верить в это. Магии не бы-ва-ет!!! Кто бы что там ни говорил, но я слишком хорошо помню школьный курс физики. Из ничего что-то не получится.

Мысль о магии потрясла меня гораздо сильнее самого попаданства. Я не хочу никакой магии. Я хочу домой.

Я так и сидела на полу, когда открылась дверь и тетушка Маго потянула меня за руку.

— Негоже вам, леди Грейс, на полу сидеть. Пойдемте, бедненькая моя, пойдемте... Я вас покормлю сейчас вкус-

неньким. Там и пирожное есть для вас, и картошечку пожарю. А плакать и не нужно совсем... Что толку?

Плакать я не буду. Это точно. Но и картошка жареная на ночь при такой фигуре — самоубийство. Этак я в поросенка через год превращусь. И заметьте, без всякой магии.

Осмотрев ужин, я облизнулась — есть хочется! Ладно, есть тут магия или нет, может, у меня бред? Не важно. Важно, что раньше начнешь — раньше закончишь.

— Тетушка Маго, а овощи есть?

— Какие?

— Ну капуста, огурцы-помидоры...

— Ну как не быть, есть, конечно.

— Тогда мне вот этот кусок ветчины и большую миску салата. Из всех овощей.

— Леди Грейс, так травой сыт не будешь!

— Буду. А вот булочки нужно убрать со стола — это лучше на завтрак съесть. И пирожное убрать. Желательно подальше.

В комнату я вернулась сразу после ужина. Расспрашивать тетушку Маго или Лину я не рискнула. Они и так обе косились на меня — явно удивила их моя трапеза.

Не спалось. Вспомнились детские мечты. Золушка там, принц на белом коне... Ага, может, в этом мире и есть принцы, но стоит ли быть Золушкой? Я никак не могла выбрать линию поведения. Устроить мачехе скандалище? Найти юриста и судиться? Вести себя так, чтобы никто не заметил подмены? Неизвестно, что в этом мире с попаданками делают. Может, объявляют демонами? Раз есть магия, то, возможно, есть эльфы, демоны и прочее...

Значит, так. Я о мире ничего не знаю, поэтому чем позже мир узнает обо мне, тем целее я буду. Это первое. Второе. В любом варианте жить в таком свинарнике я не стану. С утра посмотрю, что сделать можно. Третье. Собрать всю информацию о предполагаемой магии. Что это вообще такое? Где учат? Книжки поискать и прочее. Четвертое. Наладить нормальное питание. Трескать на ночь пирожные — не лучшая идея. Явно девочка так утешалась. Но ей-то

хорошо — она на перерождении. А мне тут придется крутиться с ее лишним весом. Ладно, ей и так досталось. Пятое. Одежду нормальную найти, а не этот балахон.

И все же, неужели и правда — магия?!

* * *

Следующие несколько дней я без зазрения совести подслушивала все разговоры, которые только могла. В доме, кроме тех людей, кого я видела раньше, была еще одна горничная — Тита, личная горничная Люции. Люция, кстати, мне не сестра. Она дочь мачехи, леди Синтии. Был конюх и был садовник, но они в доме не появлялись.

Приходила лера Брук — портниха. Я минут двадцать послушала, но все разговоры были о тряпках и лентах. Совсем не то, что мне нужно.

Приходили дамы на чашку чая к Синтии. Я высидела за колонной минут пятнадцать, потом меня отловила лера Зукс, пришлось сделать вид, что я потянула ногу. Не знаю, поверила или нет, но велела идти в свою комнату. Нормально? Горничная велела хозяйке!

Приходил довольно противный магистр Трипло, обслуживал все руки Синтии. Но судя по всему, надобность в нем уже отпала. Синтия была вежлива и холодна.

Больше всего давали информации разговоры прислуги. Так, например, я узнала, что на бал дебютанток Синтия собирается отправить меня на второй день. Кажется бы, велика ли важность? А вот велика! В первый день знакомятся маги и родовитые семьи. Второй день бала отдан купцам и торговцам. Там слабенькую магиню из бедной семьи могут продать. Ну сплавить в жены вдовцу с тремя детьми. И никого не волнует, что у молодоженов разница лет тридцать-сорок. Или отдадут за ровесника — третьего сына второй жены. С таким мужем только и останется всю жизнь чужой тетке прислуживать.

К этому я точно не была готова. Я хочу свою жизнь. Такую, какую выберу сама. Пусть будет магия, я научусь.